

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию Лазаревой Ольги Викторовны
«Развитие визуальных практик в культуре Республики Корея»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата культурологии
по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры

Представленная работа имеет очень важное значение для корееведного сообщества, поскольку, если историков или филологов в наших рядах хватает, то профессионально занимающийся корейской тематикой будущий кандидат культурологии – чрезвычайно полезное приобретение, сочетающее понимание корейского контекста и профессиональные знания культуролога. Ольга Викторовна Лазарева исследует представленную тему более пяти лет, начав с особенностей музыкального жанра «К-роп» и сумев ответить на непростой вопрос «чем корейские и японские мальчики принципиально отличаются от японских?». Со временем тема расширилась до изучения визуальных практик, что позволило рассмотреть выбранный элемент корейской культурной традиции в исторической перспективе.

Несмотря на то, что автор не владеет корейским языком, она старалась достаточно плотно общаться с корееведами, и таким образом речь идет о попытке правильного междисциплинарного исследования, а не о тексте, который написан с одного угла и игнорирует наработки других направлений.

Работа опирается как на солидную методологическую базу, так и на корпус визуальных источников, и единственным замечанием по этому поводу является то, что автор не всегда соблюдает принятую в академическом корееведении транскрипцию. Впрочем, для некорееведа это существенно меньший грех.

Анализ источников показывает, что автор хорошо ориентируется в литературе на релевантную тематику, знает различные школы и подходы.

Приятно, что автор четко оговаривает, в рамках каких направлений она пользуется той или иной терминологией. Актуальность работы определена тем, что на русском языке нет работы, которая бы напрямую посвящена изучению развития корейской визуальной культуры.

Интересна попытка автора выделить четыре типа ценностных отношений, которые сложились в корейской культуре (человек-сакральное, человек-человек, человек-светское государство и человек-человечество) и связанные с этим четыре типа визуальных практик (творческое ремесло, креативные мануфактуры, культурные индустрии, виртуальные корпорации).

Диссертация состоит из двух глав, первая из которых посвящена ценностно-смысловым основаниям развития визуальных практик. Первый раздел данной главы посвящен особенностям культурологических исследований визуального в целом и содержит общую методологическую основу работы. При этом автор обращает внимание на то, что, поскольку эти исследования зародились в англо- и немецкоязычной среде, которая сформировала терминологический аппарат, российскому читателю требуются дополнительные объяснения смысловых нюансов, касающихся, например, различия понятий «изображение» и «образ». В этом же разделе приведен обзор соответствующих работ по методологии визуальных исследований, а также методологии

феноменологической герменевтики, которая используется автором как основной способ интерпретации культурных текстов.

Второй раздел первой главы касается исторического изменения ценностных смыслов корейской культуры, которая, по мнению автора, «неоднократно пережила кардинальные смены ценностных ориентиров». По автору, это происходит при возникновении новых явлений, обусловленных историческими переменами. В этом смысле автор сопоставляет вышеупомянутые типы ценностных отношений с общепринятой типологией развития культуры (традиционная, индустриальная и постиндустриальная) и историко-культурной спецификой.

Взаимоотношения человека и сакрального автор пытается рассмотреть через призму шаманизма, однако надо понимать, что рассуждения о шаманизме того времени часто поверхностны и основаны на малом количестве источников. С точки зрения рецензента, если мы говорим о взаимодействии человека и сакрального, то большее внимание надо уделять позднейшим философско-религиозным системам. Здесь автор упоминает конфуцианство, выделяя в качестве особенностей конфуцианской системы мира всепроникающую иерархию и вертикальные отношения, основанные на взаимном служении. Однако, на взгляд автора, хотя существование сверхъестественных или божественных сил в такой системе мира отсутствует и принципиальным является правильное выстраивание межчеловеческих коммуникаций, и всё же объяснение правильного устройства осуществляется на основании принципов, заложенных Небом, и сакральное продолжает существовать в качестве предметов коллективной значимости.

В буддизме автор обращает внимание на сон-буддизм. И его описание исторических событий построено на текстах русскоязычных корееведов и соответствует канонам. Затем автор отмечает появление христианства, которое обновило представления о природе сакрального и стало способом знакомства с накоплениями мировой культуры, такими как равенство, милосердие и возможность личного спасения. Автор считает, что Первомартовское движение было массовым актом воли корейского народа. Интересен и тезис о том, что факт проведения японским правительством политики подавления корейской культуры, значимую часть которой составляли народные верования, вызвал к жизни необыкновенной силы прилив христианства, ставшего выражением духа национального объединения и освобождения, создания демократического государства. Частично с этим можно согласиться, поскольку действительно христианство в Корее оказалось не религией оккупантов, а религией гонимых, однако при этом христианство постепенно срасталось с местными культурами. Подобный обзор позволяет автору выстроить эволюцию взаимодействий человека и сакрального.

Отношения «человек-человек», которые касаются «человека» как отдельного объекта коллективной значимости, по мнению автора, появляются в Корее только с конца XIX века, а до этого человек оставался включённым в общую систему мироздания с точки зрения следования предустановленным порядкам. По мнению автора, начинается это в сирхак, а затем в трудах прогрессивных интеллектуалов, пытавшихся искать в человеке личность вне зависимости от социального положения.

В сторону: в тексте встречаются несколько вариантов транскрипций, и даже русскоязычные варианты транскрипции имён относятся к разным стилям. Для корееведа это заметный недостаток, хотя он мог бы быть исправлен консультацией со специалистом, который бы вычитал текст и привёл бы все имена к единому знаменателю. Однако в рамках данной направленности этот недостаток менее существен. В целом автор

связывает развитие отношений «человек-человек» с формированием гражданского общества и развитием представлений о правах личности, в том числе то, что человек по умолчанию постепенно превращается из корейца в представителя глобального мира. Однако здесь автор считает, что данный тип взаимодействия мог сложиться только после 1945 года, когда у корейцев появилось собственное национальное государство, которое при этом было светским, хотя и здесь ценностные отношения зависели от доминировавшей политической идеологии, легитимизировавшей или осуждавшей те или иные практики.

Ценностные отношения человека с человечеством в целом автор связывает с развитием телекоммуникационных технологий, давших миру феномен глобальной сети и виртуальной реальности, которое, в частности, сформировало новую культуру, ориентированную на общение в нём.

При этом автор разумно отмечает, что человечество – это именно общность индивидуальных создателей контента, и децентрализованный характер интернета снизил значение государства в качестве посредника и регулятора, позволил сформироваться именно новому типу ценностных отношений. При этом автор обращает внимание, что конфуцианское влияние никуда не делось с позиции принадлежности разнообразным социальным группам. Здесь автор частично затрагивает эволюцию южнокорейского интернет-пространства, но по понятным причинам эта тема не получает дальнейшего развития. Как бы то ни было, там методологический раздел и развёрнутый исторический контекст проблемы, пусть и интерпретированный с точки зрения культурологических концепций автора. Для рецензента же важнее то, что автор представляет себе исторический контекст эпохи и хорошо ориентируется в нём. Заслуживает внимания тезис о том, что визуальные практики не являются семантически нейтральными, так как содержат общепринятые правила по обнаружению и пониманию смысла образов.

Вторая глава посвящена собственно визуальным практикам, и её первый раздел выделяет указанные выше четыре типа. Начав с первого, автор отмечает, что древнейшие визуальные артефакты были объектами ритуала или поклонения и что почти все древнейшие визуальные артефакты, дошедшие до нас, имеют отношение к шаманской церемонии. Рецензент не совсем согласен с этим тезисом: либо он не до конца понимает значение визуального артефакта в культурологии и путает его с аналогичным термином в археологии, либо значительное количество найденных в могильниках древнейших элементов культурной традиции имеют отношение не только к шаманизму. Керамика и оружие – примеры, которые наиболее сильно обращают на себя внимание в этом смысле. С другой стороны, автор полагает, что даже орнамент на корейской гребенчатой керамике имеет сакральное значение и связан с отражением «ритмов мира».

Можно спорить с тезисом автора об особенном отношении к материалам какозвучных шаманским представлениям олицетворениям, существующих в природе: камень воплощает вечное, дерево несёт идею хрупкости, глина же из-за своей мягкости воплощает женское начало и плодородие. Во-первых, не всегда понятно, насколько у корейских шаманов, особенно того времени, действительно имелась подобная корреляция идей и материалов. Во-вторых, рецензент больше верит в утилитаризм, и дольмены делали из камня не потому, что материал наделён символическим значением, а потому, что это наиболее подходящий материал для возведения таких объектов. Представляется, что автор здесь ставит телегу впереди лошади.

Конечно, взгляд культуролога на некоторые явления отличается от взгляда историка, и потому очень интересно наблюдать за тем, как в рамках «оптики» автора известные события получают иную трактовку. Например, изготовление подарков и формирование профессиональных мастеров-ремесленников оказывается «визуальной демонстрацией легитимности государства», однако с такой точки зрения сюда вписываются не только церемониальные подарки, но и различного рода памятные объекты, а также та ситуация, когда промышленные или культурные феномены имеют демонстрационное измерение. Под этим углом автор рассматривает и связь производства артефактов с буддийской идеологией (творчество как медитация), и стремление ставить ремесленников под контроль государства в рамках регулирования визуального производства при помощи канонов. В целом же автор демонстрирует хорошее знание особенностей культуры и искусства периода династии Ли, будь то живопись или керамика. При этом отмечается, что уже в 1962 году был принят закон о поощрении культуры и искусства, который, с одной стороны, был направлен на сохранение нематериального наследия, с другой, осуществлял выборочное конструирование традиции.

Затем автор переходит ко второму типу визуальных практик, связывая частично их с появлением термина *изящное искусство / fine art / мисуль*, отделяя их от понятия *есуль*, которое отражает занятие искусством благородного мужа, относящееся уже к первому типу.

Здесь снова автор анализирует модернизацию визуальных практик, в том числе первые попытки ориентировать их на западные культурные традиции. Рецензент согласен с выводами автора, что корейское актуальное искусство второй половины XX века ориентировано на преодоление кризиса между традиционной и современной Кореей. Опять же в этом разделе автор довольно подробно разбирает живопись и скульптуру данного периода, и этот анализ настолько интересен, что чрезвычайное сожаление вызывает факт того, что к диссертации нет большого, развёрнутого приложения, где были бы приведены все те картины или иные образцы визуальных практик, которые упоминает автор. На взгляд рецензента, это упростило бы понимание, но он отдаёт себе отчёт в том, что с таким приложением объём диссертации увеличился бы минимум вдвое, и потому ожидает увидеть всё это в грядущей книге автора.

Тем не менее, снова хочется обратить внимание на то, что автор демонстрирует широкое и глубокое понимание истории корейской визуальной культуры и приводит достаточное количество примеров, показывающих, что её рассуждения построены на действительно репрезентативной выборке. Особо радует что упоминание автором антикоммунистической живописи 1950-х, что её же рассказа о *минчжун мисуль* 1980-х как важном элементе движения за демократизацию. Именно в рамках развития ценностных отношений «человек-человек» автор рассматривает такие элементы новых форм искусства, как перформансы и инсталляции Пэк Нам Чжуна и Ко.

Третий тип визуальных практик «человек-государство» автор рассматривает с точки зрения конструирования культурной идентичности, которое предопределяет появление культурных индустрий как способа массового производства визуальных артефактов. Именно под данным углом автор разбирает историю корейской киноиндустрии до и после Освобождения, отмечая, что со времён генерал-губернаторства наибольшей популярностью пользовался жанр мелодрамы как наиболее политически безопасный. Кажется, здесь мы снова сталкиваемся с разбором корейской киноиндустрии

в контексте связи её с общим политическим контекстом. При этом автора не только разбирает развитие киноискусства, но и демонстрирует формы и методы государственной поддержки и государственного регулирования этого жанра. Автор обращает внимание и на конкретные требования цензуры, и на систему поддержку внутреннего кинопроизводителя. Конечно, интересно, какое количество упомянутых фильмов автор смотрела сама, но складывается впечатление, что достаточно.

Автор выделяет ключевую дату в 1994–1995 гг., когда после того, как фильм «Парк юрского периода» заработал столько же, сколько 1,5 млн. автомобилей «Хёндэ», Ким Ён Сам начал применять логику глобализации не только к промышленности, но и культуре и медиаиндустрии, после чего президент ещё и отменил цензуру кинокартин и улучшил меры поддержки южнокорейского кино, что и вызвало «золотую эпоху» развития последнего. К этому же времени в киноиндустрию пришли чеболь, поскольку производство видеотехники коррелировало с необходимостью нового культурного контента на видеокассетах. Именно с этого времени, как представляется рецензенту, производство культурных артефактов становится промышленным процессом, и те элементы, которые впоследствии мы видим в К-пор, были вполне отработаны на иных жанрах. Любопытно, что в качестве примера современных визуальных практик автор разбирает фильм «Битва за Менрян», известный в российской среде как «Адмирал: теперь без Хабенского». Дело в том, что сюжет фильма радикально расходится с реальными событиями, и победа, которая реально была достигнута за счёт стратегического гения, знания местности, оценки слабых мест противника и того, чем ответить на его сильные стороны, в итоге показана как результат действий, полных пафоса и превозмогания. У корееведов данный фильм вызывает бурный смех за счёт таких сцен, где доблестные кореянки отвлекают противника панцушотами, а японский адмирал выглядит как Киркоров.

Корейские визуальные практики четвёртого типа автор связывает с развитием интернета, что побуждает её привести очерк того, как в РК практически за одно десятилетие было создано единое информационное пространство, что, в свою очередь, породило феномен гражданской журналистики и также объединений гражданского общества. Возвращаясь к визуальным практикам, автор концентрируется на культурном контенте, который создают непрофессиональные медиапроизводители, иными словами, на культуре смартфонов и блогов. В этом контексте автор анализирует и селфи, и фотографии с функцией геопозиционирования, и даже практику смартфона как «мобильного экрана», в результате чего просмотр телевизионных программ уже не является коллективным опытом, когда вся семья собирается у телевизора. В заключении данного раздела автор связывает четыре типа ценностных отношений и четыре типа визуальных практик, и хотя у рецензента могли бы возникнуть вопросы, почему эти практики носят именно такие названия, логика автора в целом понятна, и сильного противодействия авторская терминология у рецензента не вызывает.

Завершающий раздел диссертации (второй параграф второй главы) разбирает конкретный тип визуальных образов на примере «творческого ремесла». Такой выбор понятен, потому что с учётом объёма работы попытка раскрыть всё вышла бы за рамки, приемлемые для докторской, и это ещё одна причина, из-за которой рецензент настоятельно рекомендует превратить диссертацию в монографию, куда бы вошло всё, что не удалось вставить в работу из-за необходимости соблюдать объём. Здесь автор начинает с древних петроглифов, продолжая гробницами государства Когурё,

артефактами периодов Пэкче и Силла, уходя в подробности в плане символизма. Далее следуют корёский селадон и иные образцы культурных артефактов, являющихся, если угодно, визитной карточкой искусства того времени, включая керамику и различные стили живописи. Завершается раздел тем, как отличительные для традиционных визуальных практик символы и сюжеты перерождаются в современность.

Следует отметить, что ранее автор много занималась культурологическим изучением феномена К-поп и сумела в своих работах найти чёткий и ёмкий ответ на вопрос «Чем данный вид культурной индустрии существенно отличается от зарубежных аналогов?», имеющих сходные внешние характеристики. Однако, видимо, принципиально желая развивать новое, автор не вставила раздел о К-поп в текст диссертации, что оказалось приятной неожиданностью.

Диссертация написана интересным и лёгким языком, а её основные тезисы прошли неоднократную проверку на целом ряде конференций, проходивших в стенах Института Дальнего Востока РАН, где выступления диссертанта всегда вызывали интерес и благожелательное обсуждение. Автору стоит превратить свою диссертацию в книгу, издание которой будет весьма полезным для всех, кто интересуется или изучает культуру современной Кореи.

Считаю, что кандидатская диссертация Ольги Викторовны Лазаревой соответствует всем квалификационным требованиям, предъявляемым к работам такого рода, и должна быть рекомендована к защите, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 – теория и история культуры.

Официальный оппонент:

Константин Валерианович Асмолов,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ФГБУН Институт Дальнего Востока РАН

Адрес: Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32

Сайт организации: <http://www.ifes-ras.ru/>

Телефон: +7 (962) 966-76-48

E-mail: asmolov@ifes-ras.ru

Личную подпись сотрудника ИДВ РАН
Машкова К. В.
удостоверяю

Погашение Утратившей
государственную регистрацию
переименованной организацией

В. В. Козырев

